

Дмитрий Киселёв

Дмитрий В. Киселев

Повестка в жизнь

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47428196

Повестка в жизнь: БОС; М.; 2019

ISBN 978-5-905117-42-8

Аннотация

В книге Дмитрия Киселёва описывается непростое время его службы в армии в 2002–2004 гг. на границе Дагестана и Чечни. Основные военные действия к тому времени уже окончились, но ситуация оставалась напряженной. Локально вспыхивали стычки с боевиками.

Оказавшемуся на перевале Харамы автору, из-за царивших тогда армейских «законов», воровства и попустительства со стороны офицеров, пришлось столкнуться с настоящим голодом, холодом, ужасающей антисанитарией и с дедовщиной. Дмитрий искренне и непредвзято описывает то, что тогда происходило с ним и его товарищами, стараясь не затрагивать контртеррористические операции.

Сейчас наша армия совсем другая – служат один год, неуставные взаимоотношения сходят на нет. Много изменилось в лучшую сторону.

Рекомендуется для читателей старше 14 лет.

Содержание

Вступление	6
Призывник	7
Знакомство с армией	23
Курс молодого бойца	30
Учебка	39
В Дагестан	58
Полигон	71
В горы	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дмитрий Киселёв

Повестка в жизнь

© Д.В. Киселёв, 2019

© ООО «БОС», 2019

* * *

Посвящается Баулину Юрию Николаевичу, ставшему надёжным другом во время службы в армии. Он был рядом все эти два сложных года. Рискуя собственной жизнью, вытащил нашего раненого товарища из-под пуль. Был награжден медалью. А через два года после службы нелепо погиб... На гражданке...

Вступление

Эта книга написана спустя многие годы после службы в армии. Я не старался отыскать достоверные факты в Интернете и добавить их в пересказ. Возможно, это и улучшило бы восприятие ее. Но мне хочется отыскать в памяти характеры людей и мое собственное перевоплощение за те два года. Вспомнить все те ощущения от увиденной впервые Москвы, Дагестана, его городов и сел, гор и рек.

Я специально не описывал стрельбу и боевую готовность. Мне просто хотелось, преодолев многие испытания, проанализировать, кем я приехал в армию и кем стал после нее. А больше всего – рассказать всё так, как было, не придумывая ничего.

Призывник

Это утро 25 июня 2002 года было особенным, роковым. Стремительное его наступление пугало, но путь, начавшийся в тот день, круто изменил весь смысл моей жизни.

Я всегда мечтал попасть в армию, но, когда этот момент наступил, я растерялся. Куда и зачем я иду служить, что ждет новобранца в новом мире? Военкомат в маленьком, мало кому известном городе, приводил меня в трепет одним своим видом. В голове крутились разные истории о службе, о тамошнем быте, о трудностях... Закрыв глаза в надежде, что всё это сон, я вдруг вспомнил лицо друга, недавно вернувшегося из армии и принимавшего участие в боевых действиях. Он, пугая, как будто замер передо мной со стеклянными, пустыми глазами. Он не рассказывал ни слова о той жизни. Казалось, хочет забыть, что с ним произошло и кем он стал в результате. Однако это уже навсегда оставило отпечаток не только на его лице, но и на всей жизни. А теперь и я сам еду туда.

Куда?

Перво-наперво меня пригласили (именно пригласили, хотя, как я мог отказаться?) на медкомиссию. Я заходил в один кабинет за другим, где непонятного вида люди решали, годен ли я к воинской службе. Пришлось пройти это, унизи-

тельное для меня, испытание (дышал, не дышал, поднимал, опускал, наклонялся и что-то там показывал посторонним людям). Годен! Назначили время сбора, когда я обязан был явиться, чтобы начать свой путь.

Куда?

Я родился в маленьком городке с хорошим названием Богородицк и жил там до семи лет. Город расположился на берегу реки Уперты, в 65 км от Тулы, в 240 км от Москвы и в 50 км от Куликова поля. И населяло его около 30 000 человек. В Богородицке горожане вели вполне размеренную и тихую жизнь, здесь можно было здороваться почти с каждым встреченным, выходя на вечернюю прогулку.

Сейчас Богородицк часто называют Тульским Петергофом благодаря уникальному дворцово-парковому комплексу Бобринских. Эту усадьбу проектировал архитектор И.Е. Старов для Екатерины Великой и ее внебрачного сына Алексея Бобринского.

Но на моей памяти город всегда был скучным, серым, с плохими дорогами и тусклым освещением ночью. Лишь единственный потертый кинотеатр скрашивал мое детство.

Этого я лишился в тот день, когда обстоятельства заставили нас переехать в поселок, удаленный на

7 км от города. Пришлось оставить приличную школу, отдельный дом с центральным отоплением, санузелом, ванной, который еще к тому же стоял вплотную к исторической усадьбе Бобринского. А новые соседи изменили мое представление о реальности, помогая освоить основы выживания в суровой действительности.

Итак, я оказался в одноэтажном бараке с удобствами в виде ведра и в одной комнате с населением пять человек. Но несмотря на все лишения и «тьму» поселкового школьного образования, часто отвергавшегося блатными понятиями и правилами, по которым мне приходилось жить, я, на удивление, созрел во вполне приличного юношу. Начитавшись в детстве романов Дюма о мушкетерах, я грезил о подвигах, хотел совершить что-нибудь достойное, оттого и стремился испытать себя в армии.

Поселок сейчас. Барак, увы, не сохранился.

С трудом закончив восьмилетнюю школу – хорошие оценки были только по физкультуре, истории и литературе – решил продолжить образование в своей прежней городской. Но не смог осилить 10-й класс с тем поселковым чемоданом знаний. Гораздо успешнее я провел три года в железнодорожном училище соседнего города.

Пролетали мои последние дни на гражданке. Я тогда просто жил, гулял, общался с друзьями, наслаждался родными бараками и прощался со всем привычным мне миром.

В последний день перед армией, когда все родственники готовились меня проводить к военкомату, ранним утром в дверь постучала соседка. Она принесла очень маленький кусок мыла, по виду старый, сказав, что этим мылом мылся каждый из ее семьи, кто уходил на службу. И все вернулись домой целыми и невредимыми. Я хотел было отказаться от предлагаемого «омовения» – это же смешно и глупо, но, чтобы не обидеть ее, согласился немедленно сходить в душ. Быстро вымывшись, вышел к ожидавшей меня соседке и поблагодарив, передал ей оставшийся обмылок. Она нежно завернула его в бумагу и с чувством выполненного долга ушла домой. И, признаться, чуть позже я ощутил себя защищенным, вспомнив о том, что действительно все, кто уходил из ее родственников в армию, вернулись живыми и здоровыми.

Потом мне надели на шею крест (я был крещеным, но никогда не носил его); пытался всех убедить, что мне он не нужен, но пришлось подчиниться. Родственники всё же. Вечером собрались соседи, друзья, родные, уселись за стол и понеслось... Всю ночь, до самого рассвета, у нас громко играла музыка, а изрядно выпившие, радостные гости танцевали, заглушая ее своим топотом.

Но меня не волновало происходящее, мысли не давали возможности отвлечься – я изо всех сил старался не подавать вида, что напуган. И, кажется, никто, кроме моей девушки, не понимал мое состояние и не видел моей тревоги. Мы старались спрятаться ото всех, чтобы насладиться последними

часами, проведенными друг с другом. Она приободряла меня и сквозь слезы говорила о своих чувствах и вечной любви. Всю ночь я утешал ее, надеясь, что через два года... – «они жили долго и счастливо и умерли в один день». Тем более что первый шаг к нашим отношениям сделала она, и у меня не было оснований ей не верить. Я считал, что мне повезло быть со столь прекрасной девушкой, с отменной фигурой, длинными вьющимися черными волосами и открытой душой. Она словами вселяла в меня уверенность в завтрашнем дне, обещав стопроцентно дождаться. Но утро 25 июня 2002 года разлучило нас на гораздо больший срок, чем на 730 дней.

Заранее заказанный ПАЗик приехал вовремя. Загрузившись всей ватагой, мы отправились к зданию военкомата. И вот уже целуют родственники, пьяные друзья желают остаться человеком, а девушка еще раз гарантирует хранить верность. Меня и еще нескольких моих земляков пересадили в старый автобус и направили в армию.

Куда?

* * *

Через пару часов автобус въехал в ворота Тульского военкомата, где уже толпилось много призывников, собранных со всех маленьких городов нашей области. Нас, только что прибывших, построили перед зданием, скомандовали выло-

жить вещи перед собой, и какой-то офицер лично проверил, не взяли ли мы в армию что-нибудь незаконное. Затем – снова медкомиссия, номер два. Возможно, не доверяли тем докторам, которые уже осматривали каждого в районных военкоматах. На обходном листе мне вновь написали: годен.

В областном военкомате с нами никто не церемонился, я должен был делать всё, что мне говорят: идти, стоять, все по команде, и это сбивало с толку. Впервые оказался в месте, где обязан выполнять приказы, как и все остальные. Позже отвели в какое-то помещение, напоминавшее советский полуподвальный спортзал. Места всем на скамейках не хватило, и пришлось сидеть на полу.

Эх!

В «спортзале» мы провели очень много времени, около пяти часов, ели то, что привезли с собой (каждому родственники положили еду в дорогу), иногда нас выводили в туалет. Как позже выяснилось, мы ждали «покупателей». Я не мог взять в толк, что значит «покупатели», мы же не товар. Но тут так называли офицеров, которые приезжали набирать новобранцев в свои части.

Парень, сидевший со мной рядом, сказал, что сначала дают выбрать солдат «покупателям» из элитных войск, из ВДВ или морской пехоты, а остальные поедут в обычные войска или стройбат.

Я очень надеялся попасть в престижные войска, но меня никто в этот день не «купил». «Ростом, что ли, не вы-

шел? Да нет, 183 см, вроде нормальный рост», – думал я. Ночью всех «некупленных» отвели на второй этаж военкомата и приказали отлеживаться на кроватях-«полках» до новых «покупателей». И никого из офицеров не волновало, что «полок» всем не хватает – товар может полежать и на полу.

Эх!

Я был расстроен – так много готовиться к армии, пробежать сотни километров, постоянно заниматься со штангой (даже портянки научился наматывать!), а меня всё равно не взяли в элитное подразделение! А может, они узнали мою тайну – что я на самом деле не годен к службе в армии. Поняли, что обманул! Но как? Не может быть! Тогда бы меня отправили домой. Или я все-таки товар второго сорта? Мысли переплетались, мешая заснуть, и только под утро мне удалось задремать.

С первыми лучами солнца нас, собрав в колонну, повели на железнодорожный вокзал. Оглядев строй, я понял, что основная масса шагающих это обыкновенные, неспортивные призывники. И я подумал, что всех нас ждет обыкновенная служба: никаких самолетов, прыжков с парашютом или операций на морской глади.

Эх!

Посадили в вагон электрички до Москвы. Пейзажи, быстро мелькая в окне, заставляли сжиматься сердце, уже тоскующее по дому. Но, подъезжая к столице, уныние сменилось удивлением. Мы не могли оторвать глаз, ведь почти все вы-

росли в маленьких уездных городках, многие даже в Туле не бывали, а тут за окнами пронеслась сама МОСКВА! Я впервые в жизни видел большой город и дома настолько высокие, что дух захватывало.

Ах!

Это сейчас у меня уже не вызывают удивления и восхищения башни «Москвы-Сити» – привык, а тогда даже десятиэтажки казались мне небоскребами.

Электровоз, сбавив ход, медленно подъезжал к огромному, красивому, наполненному множеством разных людей, Курскому вокзалу. Оказавшись на платформе, я испугался, что потеряюсь в этом городе, а, засмотревшись на очередное строение, отстану от колонны. И никого вокруг не удивляло то, что мы стараемся идти строем. Люди как будто бы просачивались сквозь нас, не замечая... Они обреченно торопились куда-то.

В моем маленьком городе люди ходили неспешно, размеренно, широко, а эти – жители Москвы – толкали меня, задевали и практически занесли в здание вокзала. Офицер, сопровождавший нас, указал угол в огромном помещении, где мы и разместились на полу, ожидая дальнейших распоряжений. Мне очень хотелось походить по вокзалу, выйти на улицу, «наполнить себя красками», привыкнуть к радуге цветов и форм. Почувствовать Москву! Но не решаясь нарушить приказ – сидеть в углу и ждать – я мог лишь подойти к окну и восторгаться тем, что в будущем будет меня дико раз-

дражать: пробки, толпы людей, постоянный гул... А тогда я просто наполнял себя всем этим.

Сказать, что я был восхищен после 18 лет жизни в городке, где всё было одинаково обычным – это ничего не сказать. Совершенно утопая в новой реальности, я был парализован полнотой цветов и оттенков, собранных в одном месте. А среди проплывавшей толпы выделялись «странно» одетые люди, взгляд к которым непроизвольно «приклеивался» до появления следующего яркого персонажа. Я поглощал буквально всё – от безумного макияжа девушек до вокзального, наполненного потом, воздуха. Москва околдовала меня, впечатлила, ошеломила, но, боясь заразиться ее «ненормальностью», я безумно захотел вернуться домой, пока еще самим собой.

Теперь-то я понимаю, что в те времена эти люди на вокзале приезжали в Москву такими же, как и я, но Москва их впитывала, закручивала и раскрашивала. И такими они уезжали в свои серые родовые гнезда, где

*«Далеко от больших городов,
Там, где нет дорогих бутиков,
Там другие люди живут,
О которых совсем не поют.
Не снимают про них сериалов,
Ведь они не в формате каналов,
И не пишет про них интернет,*

Их совсем вроде как бы и нет»¹.

Окрик вернувшегося офицера привел меня в чувства, команда «строиться» заставила сдвинуться и вновь ощутить свою участь российского призывника. Всё в той же людской неразберихе мы вышли на перрон к поезду и быстро загрузились в вагон. Еще на вокзале я надеялся, что что-то изменится, что вернется офицер и скажет, что нет билетов, ждать тут не можем, поэтому вернемся домой. Меня не столько пугала армия, сколько всё то новое, что сейчас увидел, как будто все 18 лет прожил за забором. Но уже в вагоне, почувствовав движение поезда, я понял: теперь уже точно только вперед, в армию!

---

¹ Игорь Растеряев. Песня «Комбайнеры».

Знакомство с армией

Мы приехали в город Ковров Владимирской области. Тут с июня 2002 года и началась моя армия!

Нас «толпообразно» стали куда-то водить – и первой была очередная медкомиссия. Уже третья! А я всё еще не ощущал себя в армии – форму не дали, автомат не дали, в казарме не спал, на танках не ездил... Одну медкомиссию прошел в своем городе, вторую в областном военкомате, третью здесь, и тем не менее я, почти не видевший одним глазом, везде был признан годным. Но если бы врачи заглянули в мою толстенную амбулаторную карту, которой у них, к моему счастью, не было, они бы на пушечный выстрел не подпустили меня к службе.

В детстве мы с другом играли в хоккей, как «настоящие мужчины» – в валенках и с клюшками, сделанными из фанеры.

Катком была подчищенная от снега дорога у моего барака. Воротами служили снежные комья. Мы были и вратарями, и нападающими, и защитниками. В какой-то момент, решив атаковать мои ворота, друг, поддавшись азарту, случайно промахнулся по шайбе и угодил мне клюшкой в глаз.

Я упал. Кровь, много крови! Друг в испуге замер возле меня. Понимая, что его ожидает наказание от наших родителей, я, невзирая на дикую боль, кричал

ему: «Уходи, уходи! Не хочу, чтобы тебя обвинили в этом!» И «друг» убежал, оставив меня одного, истекающего кровью. По-видимому, от болевого шока я впал в забытие.

Плохо помню, как очнувшись, поднялся и, шатаясь, добрел до дома. Еле сумел открыть ключами замок, но как очутился на кровати – не помню. Тогда я думал, что всё образуется, боль утихнет, кровь смою, и никто не заметит, что со мною что-то случилось. Я то приходил в сознание, то проваливался «в туманную даль».

Очнулся в скорой, где врачи пытались мне чем-то залепить глаз. Окончательно я пришел в себя через пару недель в больничной палате: правая рука была вся в следах от уколов, начали колоть на левой. Как потом узнал, я имел все шансы вовсе не вернуться к жизни. Хотя, казалось, что такого страшного может быть в повреждении глаза. Всё это надломило меня – я впервые в жизни, будучи ребенком, понял, что смертен.

Еще много лет меня возили по всевозможным больницам, пытаясь вылечить, в одной даже хотели вставить искусственный глаз – я сбежал.

Поставили диагноз «хориоретинит² левого глаза», одели очки, которые никогда не помогали, запретили заниматься спортом, в армию тоже путь был заказан, да и водителем не стать. А основным приговором стало то, что я могу ослепнуть в один миг на оба глаза.

Всё время, проведенное в больницах, я ежедневно слышал от докторов и медсестер, что мне просто не

---

² Воспаление заднего отдела сосудистой оболочки глаза и сетчатки.

повезло и теперь я должен принять то, что практически стал инвалидом. Они говорили о неизлечимости моей болезни и неспособности мне помочь. Всякий раз, проведя несколько месяцев в больничной палате, я катастрофически терял не только вес, но и душевные силы.

Врачи своими действиями и словами только ломали меня, с тех пор я отношусь с прохладцей к этой профессии. Позже я узнал, что так плохо вижу одним глазом из-за неквалифицированной операции, которую провела местный доктор, окулист.

Вопреки запретам этих так называемых «врачей», которые больше навредили, чем помогли, я всё равно всегда занимался спортом, обманом попал в армию. Ведь я с детства хотел служить там, хотя имел возможность отказаться. Но не мог представить себе, как буду смотреть в глаза друзьям. Как потом буду слушать рассказы об их подвигах и пережитых трудностях. Армия виделась мне испытанием духа, стойкости и отваги.

Для того чтобы пройти удачно медкомиссию в моем городском военкомате, мне пришлось договариваться, ведь меня сразу забраковали и готовились выдать белый билет.

Эта новость стала ударом: мне что же теперь беззаботно гулять одиноко по улицам, когда все друзья стали защитниками родины? А я? Кем меня будут называть? И я решил во что бы то ни стало найти способ стать пригодным для службы.

Мне повезло: окулистом в военкомате иногда подрабатывала мать моего приятеля, с которым учился в 10-м классе. Я всё рассказал ей о себе, о своем отношении к армии, и о том, что не смогу жить нормально, если меня забракуют. И спасибо, что она согласилась помочь мне. Подправила, где нужно, документы, рискуя своим местом, но расстроила, сказав, что в Тульском военкомате меня, скорее всего, не допустят к службе.

Получив заветный проходной лист, с печатями «годен», начал готовиться и изучать таблицу букв и колец, по которой проверяли окулисты зрение. И в Туле, притворившись совершенно здоровым человеком, ответив на вопрос медсестры, что проблем со зрением нет, быстро назвал буквы и кольца, не дав ей шанса заподозрить что-то и осмотреть глаз с фонариком. В Коврове повторил то же, и безо всяких проблем явился совершенно зрячим и годным для строевой службы в рядах Российской армии, солдатом, чему был невероятно рад.

Но вернемся снова в Ковров. Всех «многоволосых», кто успешно прошел медкомиссию повели к цирюльнику. Честно говоря, я не понимал, зачем брить голову налысо – в армии подстригут. Я не учел того, что сразу стал выделяться в ряду призывников и на короткое время получил прозвище «волосатик». Каждый не упустил возможности так меня обозвать и посмеяться, и я ощущал себя посмешищем среди гладко побритых товарищей. Когда остальные отдыхали, я

попал к парикмахеру-«садисту» из числа солдат этой части. Он выстригал разные фигуры на голове под радостный смех сослуживцев и приговаривал: «Вши не обнаружены, пациент свободен!»

И после этого я пришел к выводам, что в армии: 1) нет хорошего парикмахера и 2) армия боялась педикулеза.

Как я уже писал выше, всю свою юность я прожил в бараке, в маленьком бывшем шахтерском поселке, который располагался в семи километрах от города Богородицк. Когда-то поселок был построен как временное поселение для семей шахтеров, в нашем районе активно добывали уголь. Но шахты вскоре истощились, а люди остались брошенными после перестройки. Всё местное население имело возможность работать либо на мебельной фабрике, либо на заводе по производству мелких запчастей, либо в колхозе. Зарплату выдавали очень редко и всё чаще натурой.

Какой-то период мой дядя, работавший водителем на заводе, приносил зарплату перчатками. Вскоре и фабрика, и завод, и колхозы закрылись и были разворованы, как и большинство предприятий во всей стране. В поселке не существовало ни дорог, ни газа, ничего, что могло бы указывать на XXI век. Это было самое убогое мое время и одновременно самое счастливое. Старые, ветхие бараки, зимой промерзшие внутри, ванны и унитаза не то что не было, само понятие просто отсутствовало, все ходили в деревянные

туалеты, а мылись в городской бане по выходным, но чаще дома, возле печки в тазиках.

А вот летом можно было помыться в душе, построенном самим, или в пруду, или на карьере. Кстати, эти условия и заставили меня постичь науку строительства. Так вот, постричься было сложно, машинок не было, ножницами никто не умел, а в парикмахерскую пойти – дорого. В армию я призвался с густой шевелюрой, нет, не с длинными волосами, а с давно не стриженными, подумал, что всё равно побреют налысо, и тем самым армия уравнивает мою индивидуальность.

Эта часть в Коврове, где мы находились, была обыкновенной: с плацом, казармами, штабом. Призывников, старались отгородить от «местных» солдат, чтобы те не могли отнять что-нибудь у нас. Я как будто попал в мир с уже существующими, не понятными мне, правилами. «Старожилы» смотрели на молодое пополнение, как на добычу. И вроде бы они такие же, как и мы, тоже молодые парни, все разные, но объединенные общим бытом и новым представлением о жизни.

Мы оказались в мире, в котором ничего не понимали, и поэтому любой шкет, уже носивший форму, был увереннее каждого из нас. Я видел, как маленького роста солдат, прослуживший не многим больше полугода, с уверенностью и бесстрашием заставлял высокого и сильного призывника себе подчиниться. У меня всё это не укладывалось в голове, но чувствовалось, что я стал принадлежать к какому-то ино-

му сообществу людей. Офицеры (я только потом это понял) были правы, что отгородили нас от остальных, дав возможность привыкнуть и осознать происходящее.

Думаю, только на время призыва была установлена палатка у забора, с подведенными к ней трубами, в которой нам всем вместе пришлось быстро помыться.

А после нас отвели в казарму и переодели в новую военную форму. Свою гражданскую одежду можно было отправить посылкой домой, так говорили офицеры, но все просто кидали ее в общую кучу, что сделал и я. Уезжая в армию, призывники старались надеть самую захудалую одежду, оттого мы и выглядели, как толпа оборванцев, на московском вокзале.

Позже каждого сфотографировали в новой форме, отдали наши снимки и приказали написать первые письма домой, вложив в них фотографии. Думаю, это был отчет командиров перед матерями: помыли, подстригли, одели, обули, на службу приняли!

Курс молодого бойца

Вечером того же дня меня со товарищи, одетых в новую форму и одинаково лысых, посадили на электричку и снова повезли куда-то. Как оказалось в Пакино, в ту часть, где нам предстояло служить. Приехали на место уже поздно, зашли в здание, поднялись за офицером на пятый этаж, вошли в комнату, похожую на кабинет в школе, с оставшимся из СССР названием – ленинская. Тогда я еще не знал, что на пятом этаже размещалась рота ГРВэшников (гранатометный взвод), или АГСников³, в которой мне предстояло служить.

И... погнали, началась армия и ее веселый быт!

Сидим, как школьники за партами, в ожидании дальнейшей команды (за эти пару дней, проведенных в дороге, мы уже научились действовать только по приказу). И тут в «класс» вваливаются три солдата – в кепках набекрень, ослабленные ремни, взгляд на нас типа «упал-испугался».

Из их четко поставленной речи мы поняли, они сержанты, на которых возложена задача обучить нас премудростям военной службы, конечно, офицеры тоже командиры, но сержанты имеют над нами полную власть и требуют беспрекословного подчинения. Мы, по их словам – «запахи»⁴, поэто-

---

³ АГС – автоматический гранатомет на станке.

⁴ Новобранцы, которые еще не приняли присягу.

му – слушай нашу команду: «Отдать все деньги, которые каждый привез с собой!»

Не увидев оживленности, они продолжили: что укрывать деньги нет никакого смысла, ведь их обязательно найдут. И добавили: тот, кто не сдаст добровольно, будет избит. Я слышал рассказы тех, кто уже побывал здесь, поэтому спрятал немного денег в тубик из-под зубной пасты, так же в моток с нитками и еще в разные предметы... Все стали вытаскивать свои заначки, шелестя фантиками от конфет и распутывая мотки ниток. Я часть денег отдал, тем более что сержанты с легкостью указали, где могут быть они спрятаны, но то, что я спрятал с фантазией, мне удалось утаить.

Была уже глубокая ночь, когда сержанты удовлетворились количеством собранных денег. Нам приказали идти спать. Меня подвели к двум кроватям, стоящим рядом, обе сразу занимал один человек. Сержант мне сказал, что одна из этих кроватей моя, а этого человека мне просто нужно подвинуть. Я так и поступил, разбудил его и попросил подвинуться... Сложно вспомнить, как всё развивалось, но в тот же момент мне надавали по морде. Как оказалось, этот сержант со своим товарищем пошутили надо мной. Они специально создали такую обстановку, других свободных кроватей не было, и им хотелось узнать, как я себя поведу в этой ситуации. А утром я узнал, что не одного меня так разыграли.

Первое утро в армии. Разбудила команда «подъем»! На гражданке меня сложно было разбудить, со словами: «Дима,

вставай!» надо мной могли простоять полчаса. А тут так заорал дневальный, что я мгновенно стал дисциплинированным, ведь если солдат позволит себе «не услышать» приход утра, то хорошим пинком ему точно покажут рассвет.

Утро в армии начинается с пробежки и зарядки.

В тот первый день все ушли на зарядку, а нас, вчера приехавших, оставили в казарме и заставили подметать, мыть полы, отбивать кровати. Последнее самое необъяснимое: берутся две дощечки с ручками (плашки), и нужно ими отбивать, подбивать, гладить ударами ребра (не знаю, как назвать это действие), заправленное одеяло и подушки. Я не сумел достичь в этом профессионализма – сколько ни стучи (вроде ровно!), но сержанту не нравится! Ах да, если нет дощечек, то сойдут тапки или ладошки.

Кстати, тапочки в армии резиновые и ими в субботний день очень хорошо мыть пол. Вот как это делается: на пол

разливается вода с пеной, солдат садится на колени и тапочком начинает тереть доски. Реально работает, поверхность чистая и совсем не пахнет. Я ненавижу субботу, этот день всю службу в Коврове был парко-хозяйственным днем (ПХД), мы же расшифровывали эту аббревиатуру иначе. пи#дец хорошему дню.

* * *

Эта часть была учебной, здесь из солдат делали сержантов. Конечно, звание можно получить и в другой части, его могли присвоить отличившемуся военнослужащему. А тут почти все через шесть месяцев службы становились сержантами. В нашем распоряжении был плац с трибуной, на котором учились маршировать, петь песни и т. д. Вокруг плаца размещались несколько пятиэтажных жилых казарм и здание учебного корпуса. Чуть в стороне вблизи от штаба – лазарет.

Солдатское кафе (чипок⁵) – на самом видном месте, за ним столовая, а на краю хоздвор. Еще спортплощадка на улице, ну и какие-то подсобные помещения, котельная, баня. Моя казарма располагалась недалеко от штаба на краю

---

⁵ *Чипок* – это «Часть Индивидуального Продуктового Обеспечения Красноармейцев». Такая аббревиатура была введена в 1927 году. Упразднена в 1963 году. Еще можно было встретить такую расшифровку: «Чрезвычайная Помощь Оголодавшему Курсанту».

переднего угла плаца. Как и все остальные казармы, это было хорошее здание, построенное из кирпича, крепкое и основательное, теплое зимой, с большими окнами, несравнимое с тем бараком, в котором прошло мое детство. Можно сказать, условия моей жизни сильно улучшились. На первом этаже разместились рота разведки, на третьем – рота связистов, а мы, рота АГСников – на пятом.

Справка:

АГС-17 «Пламя» – 30-миллиметровый автоматический гранатомет на станке. Предназначен для поражения живой силы и огневых средств противника, расположенных вне укрытий, в открытых окопах (траншеях) и за естественными складками

местности (в лощинах, оврагах, на обратных скатах высот). В 1971 году АГС-17 был принят на вооружение Советской Армии.

- Боеприпасы: ВОГ-17, ВОГ-17М, ВОГ-30, ВУС-17, ВУС-30

- Радиус сплошного поражения: 7 м
- Боекомплект: 87 выстрелов (3 коробки)
- Боевой расчет: 2–3 человека

Похоже, я зря волновался, что меня не «купили» для элитной части. В нашу роту набирали в основном высоких и сильных солдат. В своем четвертом взводе я стоял чуть ли не самым последним в строю, хотя мой рост 183 см. А самый высокий из нас не вмещался в кровать, его ноги сантиметров на 20 торчали. Но в других взводах встречались и невысокого роста. Такой выбор объяснялся тем, что АГС был довольно тяжелым, и по правилам на гранатомет требовалось два человека. АГС весит 31 кг и состоит из разных частей, поэтому одному унести всё очень сложно. Но всё же потом в другой части я мог один с ним справляться и таскать далеко.

Нас обучали главным образом умению обращаться с гранатометом АГС-17, который разработан для того, чтобы иметь преимущество над пехотой. Ведь он стрелял ВОГа́ми. Эта граната, столкнувшись с преградой, разлеталась на 400 осколков. Один взорвавшийся ВОГ обеспечивал в радиусе семи метров полное уничтожение пехоты противника. Учитывая, что в одной улитке (магазине) было 29 ВОГов, мы всегда добавляли еще 2, а сам АГС стрелял в шахматном по-

рядке. Это оружие стало пользоваться огромной популярностью против пехоты. А особенность конструкции позволяла не только стрелять прямо, но и забрасывать гранаты за гору или здание; дополненное прицелом с ночным видением, могло эффективно использоваться и в ночное время.

Многое в этой учебной части не имело отношения к формированию боееспособного солдата, всё больше времени уходило на мытье полов и заготовку леса. Оттого я просто жил в ожидании скорейшего окончания шести месяцев, требуемых для нашего обучения. Но всё же были и в этом периоде моей биографии интересные вещи.

Первое, что я должен был пройти, чтобы окончательно попасть в армию и стать послушной ее единицей, это принять присягу. Очень торжественное мероприятие, в этот день приезжают родные, друзья. Я хотел самостоятельности, поэтому запретил родным ко мне приезжать в этот день и в любой другой, и сам не был в отпуске.

Плац, толпятся родственники, а перед ними разворачивается действие, важное для новообращенных. Перед всей толпой ты с автоматом на груди читаешь по бумаге слова присяги, ее нужно было выучить, но не помню, чтобы кто-то выучил. Ты клянешься перед всеми исполнять приказы командиров и начальников, стать верным воином своей страны. А среди нас, солдат, в это миг ты перестаешь быть «запахом», человеком в форме, но не солдатом, теперь ты «дух»⁶, мо-

---

⁶ Аббревиатура: Домой Ужасно Хочется.

лодой солдат, естественно, который должен шуршать, много работать, не зная усталости и жалости к самому себе!

Для меня всё это было как игра, я ничего не понимал, делал то, что и все.

После того как мы приняли присягу, признав себя солдатами и дав клятву, начались наше обучение и тренировки.

Учебка

Многие часы мы проводили в кабинетах и изучали по плакатам устройство разного вооружения и техники, тактику ведения боя и, конечно же, Строевой устав вооруженных сил РФ. Как в школе: разные предметы, преподаватели, перемены, с одной лишь разницей – тут за непослушание или незнание предмета наказывали физически, а не ставили двойки. Приказывали отжаться или присесть определенное количество раз.

Как-то мне пришлось отжиматься в теплом помещении в бушлате 100 раз. После выполненного задания я не сказал, что рядовой такой-то упражнение закончил, и сержант добавил еще 15 отжиманий. Я удивился: у меня никогда не получалось отжаться такое количество раз. Можно сказать себе, тренеру: «Не могу, устал, всё!» А в армии отжимаешься 100 раз, а если не выполнишь, то заставят отжаться еще 150. Я тогда понял, что, выполняя приказ, человек способен на большее. В жизни так: сел на велосипед, проехал 5 км, почувствовал боль в мышцах, остановился и отдохнул. А здесь среди солдат, товарищей ты выполняешь этот приказ не только потому, что это приказ, но и доказываешь себе и остальным, что способен его выполнить.

Не меньше времени было потрачено на плацу: становись! равняйся! смирно! прямо шагооом марш! Тянули ноги: де-

лай раз, делай два... Прошло уже много лет, но я так и не могу найти объяснения, зачем надо было тянуть ногу, тратить столько сил и нервов. Хотя, думаю, командиры таким образом хотели сплотить нас, сделать одним целым. Это обычная практика строевой службы. Больше нигде в последующем я этим не занимался – только в этой учебке. В других частях мы осваивали, как обращаться с оружием, как вести себя на поле боя, как стать настоящим солдатом и защитником родины.

В армии никогда не было скучно. Говорят, кто в армии служил, в цирке не смеется. И, скорее, это правда, каждый новый день приносил что-то веселое, все мы всегда были вместе, не утаишь ничего – ни мысли, ни желания. Кто-то из солдат днем вытворял что-нибудь эдакое, а кто-то лунатил ночами под всеобщий смех.

И, наверное, самая главная задача командования состояла в том, чтобы каждый солдат был чем-то занят. А чем озадачить подчиненных, когда ничего не происходит и служба тянется размеренно и скучно? Вот и заставляли нас командиры делать по многу раз одно и то же: мыть то, что уже отмыто, подметать там, где нет мусора.

Хотя, что говорить, рассказывали, что солдаты, служившие ближе к Москве, траву красили в зеленый цвет осенью, не говоря уже о бордюрах. Можно сказать, мне еще повезло.

* * *

Стрельба из оружия – романтика армии, вот, наверное, то, что больше всего меня привлекало. Но я был разочарован первыми стрельбами. Перед присягой нам дали пострелять из автомата Калашникова АК-74 (АК-74С – складной – я увидел только в войсках), зарядили шесть или девять патронов в магазин и... трак-та-там куда-то в сторону мишени, ничего не понятно, мало и бестолково. А вот после принятия присяги мы занялись усиленным изучением АГС и стрельбами из него.

До полигона от расположения роты идти нужно было через лес километров пять-шесть. И каждый наш поход сопровождался всякими усложнениями. Например, поступала команда...

«Вспышка справа»!

Услышав это, все мы должны были разбежаться, упасть на землю ногами в сторону вымышленной вспышки, найдя при этом какое-нибудь укрытие, и закрыть голову руками.

«Вспышка слева... сзади... спереди»!

«Воздух»!

Справка:

Автомат Калашникова образца 1974 года – автомат калибра 5,45 мм, разработанный в 1970 году советским конструктором М.Т. Калашниковым и принятый на

вооружение вооруженных сил СССР в 1974 году. Является дальнейшим развитием АКМ. Разработка АК-74 связана с переходом на новый малоимпульсный патрон 5,45 × 39 мм.

На фото изображен АК-74С (складной).

Ползли по-пластунски, шли по-гусиному, бегом, в общем, по-всякому. Дорога до полигона всегда очень изматывала, ведь приходилось тащить АГС. Как же я ненавидел тогда этот гранатомет, он был очень неудобный и тяжелый, мы не могли понять, как с ним передвигаться, как? И всё это происходило на песчаной пыльной дороге, дышать было просто нечем.

И всё же дойдя до полигона, мы разбирали-собирали АГС, сдавали теорию и, наконец, стреляли. Офицеры упорно заставляли сесть ПОД треногу, на которой размещался АГС, развести в стороны ноги и в этом положении, прицеливаясь, стараться попасть в мишень, размещенную в пятистах метрах. Выполнить это было практически невозможно,

с трудом удавалось забросить первую гранату в мишень, все остальные улетали далеко от цели.

Во время стрельбы очередью АГС начинал так сильно подпрыгивать из-за отдачи, что удержать его было, сидя в таком положении, просто невозможно. И, мало того, было необходимо, держась за ручки, сильно изгибать большие пальцы и при этом так же сильно нажимать на спусковой курок. Не представляю, как я с такой стрельбой смог сдать нормативы!

В будущем в другой части я узнал, как нужно правильно стрелять, прицеливаться и вообще обращаться с этим оружием и эффективно использовать его потенциал. В учебке учили чему-то странному, я был разочарован армией и своим решением пойти служить. И я жалел, что оказался тут, ведь я очень хотел пройти весь солдатский путь и многому научиться.

Вот так нас учили в учебке.

А вот так правильно.

* * *

В этот период службы я узнал, кто такие «каличчи»⁷ и почему нельзя ими быть. Эти солдаты предпочитали поболеть, поныть, и им было всё равно, как их воспринимают сослуживцы. Они, сославшись на кашель, насморк, царапины, с удовольствием лежали в уютном медпункте, пока все остальные справлялись с тяготами военной службы.

Я никогда там не лежал, и с температурой шагал по плацу, и на полигон с диким кашлем ходил. И даже когда со мной реально случилась беда, я всё равно справился сам, но об этом ниже.

Мне повезло – со мной служили люди со схожими представлениями о жизни. Мы боролись сами, а болезни воспринимали как вызов. Мы не только делили общий быт, мы вместе противостояли любым преградам и трудностям, мы каждый день оказывали поддержку друг другу, как будто запитывались энергией. С ними я не знал неразрешимых проблем. Я, наконец, понял, что самое важное в жизни – это настоящая мужская дружба.

Но пора перейти от патетики к быту. Я узнал, что такое солдатская столовая и наряды по ней. Хуже нет, чем попасть

---

⁷ Больной, обычно тот, кто болеет постоянно или притворяется больным. От слова кал (какашки).

туда – мытье жирной посуды, котлов, чистка мокрой грязной картошки и остальное. Меня это сильно коробило. Может, я слишком критичен, но в нарядах по столовой нас использовали как рабов, запирая в сыром помещении до тех пор, пока не почистим картошку. Возможно, солдат должен научиться всему и, как Цезарь, делать одновременно кучу дел. Но почему тогда нас заставляли делать только грязную работу: мыть полы, подметать, чистить, носить и многое другое, с чем справится любой человек без опыта?

Я пошел в армию не за этим, мне казалось – нас должны были обучить стрелять из всего вооружения роты, разбираться в тактике ведения боя, сделать сильными и здоровыми, используя режим, правильное питание, тренировки и моральную подготовку. Мы призывались всего на два года и были очень ограничены временем.

И чего в итоге я достиг после шести месяцев, проведенных в учебке? Получил лычки на погоны, один раз стрелял из автомата, вообще не понял, как стрелять из АГС, представления не имел, что делать на поле боя, и главное – не понимал, зачем я трачу свое время и деньги государства. Но зато научился изумительно убирать, отбивать деревяшками кровати, пилить бревна на пилораме и стоять на плацу с вытянутой ногой. Вот так защитник родины!

Рядом с частью через забор была тюрьма, и нас часто отправляли вместе с осужденными распиливать бревна на доски на пилораме. Это было интересным занятием, лучше, чем

маршировать. Мы проводили на пилораме целые дни, отвлекаясь от солдатского распорядка, ели там же и общались с осужденными. Насколько разными могут быть судьбы у людей и насколько близкими. В тот момент я уже реально ощущал себя кем угодно, но только не солдатом. Я, как и заключенные, делал что-то, мечтая скорее стать свободным.

Особенно запомнились вечерние поверки, после которых пели гимн России. А возвращаясь в казармы, мы всегда дрались с разведчиками. Здание у нас было одно (как я уже описывал) разведка жила на первом этаже, мы, ГРВэшники на пятом, а между нами – рота связистов.

Разведчики в нашей части были элитой, туда набирали в основном спортсменов с разрядами, но они уступали нам в мощи, росте. Разведчики, как и мы, никогда не пускали никого через свой строй, даже офицеров, и все это знали. Но иногда встречались те, которые по каким-то своим соображениям считали, что могут легко пройти через наши ряды, что мы должны расступиться, освобождая путь. Как только «камикадзе» попадал в гущу солдат, каждый старался толкнуть его, пихнуть ногой, ударить, и решившийся на это, вылетая, как пробка, из строя, в будущем не шел на подобные эксперименты со своим здоровьем.

Но связисты, как и многие другие роты, вероятно, имели другое представление об этом, сквозь их строй могла пройти целая первомайская демонстрация.

Мы все, несмотря на спортивные разряды, физическую

подготовку и рост, были одинаковыми. А вот порядки и правила в каждом подразделении существовали свои. Даже строевая песня отличала сильную роту: разведчики, громко напевая «пули летят, пули», уже издалека внушали уважение.

Нам же приходилось петь про яблоневый сад, про любовь, чего мы стеснялись, оттого и старались петь как можно громче, отбивая со всей силы каблуками по асфальту.

Связисты старались не встречаться с нами и разведкой и после вечерней поверки, находясь ближе к двери, стремительно убегали в казарму. А вот нам с разведкой – без вариантов было: столкнувшись у входа, мы устраивали стремительную бойню, ломая входную дверь. Но офицеры, отвечая за здоровье солдат, удерживали одну из рот на плацу, не допуская мордобития. Несмотря на то, что внутри роты многие ненавидели друг друга, мы никогда не показывали этого и всегда держались вместе, чувствуя плечо товарища. Любой солдат нашей роты, кем бы он ни был, всегда и в любой ситуации имел полную поддержку всей роты. Этого, может, не хватало связистам.

Нас с разведкой старались держать подальше друг от друга, не пойму только – зачем тогда было селить в одну казарму.

Однажды к нам в роту приехал майор, его поселили у нас, предложив на выбор: занять какую-то должность в нашей части, или демобилизоваться. Он запирался в комнате, отведенной ему, и много пил, казался старым и больным, которому действительно пора на пенсию. Я не знаю, что с ним произошло и какова его офицерская судьба, но чем-то он меня зацепил. В очередное утро дверь его комнаты открылась, оттуда вышел человек с помятым, старым лицом, «надетым» на удивительно молодое и спортивное тело. Меня впечатлила его физическая форма, но я не мог понять: что так глубоко отпечаталось на лице, заставив его сморщиться? Пользуясь возможностью поговорить, я задавал сотню, видимо, неуместных вопросов, пытаюсь выяснить – кто он и откуда, но всякий раз не получал ответа. А ответы, наверное, и не требовались. Его глаза, походка, осанка, мышление и манера говорить, – всё выдавало в нем настоящего воина.

Я не берусь судить о том, как он жил и что сделал. Этот человек мотивировал меня всего лишь своим присутствием, я и потом встречал еще подобных ему офицеров. Думаю, он был из числа мужчин, ставших в армии профессионалами. Я видел и других.

А здесь ко всему прочему я строил дачу какому-то вышестоящему офицеру. Нас троих с самого утра увозили на уа-

зике в живописное место. Там мужик в военной форме, но без знаков отличия ставил перед нами задачи и уезжал. Мне, не имеющему образования строителя, приходилось пилить доски, что-то носить, копать траншеи – и всё это под проливным осенним дождем. Не думал, что и мне придется поработать на благо господина офицера, когда об этом рассказывали старшие товарищи на гражданке. Но тем не менее я не был против этой работы на свежем воздухе в красивом месте. Может, на тот момент я просто смирился со всем происходящим и скорее хотел уехать в другую роту другой части и как можно дальше от Москвы.

Вот интересно, а как определить среди солдат и офицеров настоящего профессионала, академика военного дела? По званию? Этот со старым лицом был майором, но я видел много офицеров такого звания, половина из которых еле перемещались от стула к стулу. Может, мифические герои, как Ахиллес, Гектор и реальный Александр подходят под это определение? На меня произвело впечатление то, что этот майор очень отличался от всех офицеров нашей учебной части. До встречи с ним я был абсолютно разочарован армией, а после – задумался о том, что армия где-то может быть другой, такой, какой мне представлялась. Вот как бывает – мимолетная встреча с одним человеком мотивирует больше, чем вся военная часть.

Наверное, самое важное, чего необходимо достичь, – это понять и признать самого себя, несмотря на разные провокации. В армии чисто мужской коллектив и очень не просто, впервые попав туда, найти в нем свое место. Сразу попытаться понять этот новый мир и принять – очень сложно, особенно это сказывалось на солдатах, живших до армии в больших городах. Я, конечно же, не хочу отзывать о всех без разбора. Мне не было трудно или тяжело прижиться в таком коллективе, я всё детство провел в гораздо более худших условиях – в поселке, где всё так же на виду, как и в армии.

Как-то, уже порядком послужив, я зашел в чипок, это солдатское кафе, где за сравнительно небольшие деньги, которые нам присылали из дома в конвертах, или на выданную солдатскую зарплату, можно было купить что-нибудь вкусное, коржик например. Стоял, выбирал, считал деньги, на что хватит. Ко мне подошел один солдат, старше меня по призыву, протянул мне веревку. Эта зеленая, сплетенная им из многих ниток, веревка, оказалась довольно крепкая, порвать руками невозможно. Он дал мне ее со словами: «Когда тебе будет совсем плохо, повесишься на ней».

Не знаю, что он хотел этим сказать, может, надломить морально, а может, просто пошутил. Я не почувствовал тогда

никакого опасения. Меня смутили его слова и его поступок, но веревку я сохранил, потом повесил крестик на нее, а уже в войсках – «смертник» (личный номер, медальон). Этого делать было нельзя: веревка на шее должна быть очень тонкой, чтобы противник, подкравшийся сзади, не смог тебя ей же придушить. Но меня никогда это не пугало, я так и носил «смертник» с этой веревкой в армии и еще много лет после, я должен был сдать его, оставить в части, но решил взять себе, сдал в штаб медальон с таким же номером, сделанным мною из ложки. Сейчас веревка, к сожалению, сгнила, и то, что осталось, я снял и положил в банку.

Вот так: часть оставшейся веревки, попавшей ко мне тогда, я до сих пор храню, даже не знаю зачем.

Однажды всех потряс один случай. Солдат, охранявший знамя части, застрелился. Знамя всегда охраняли с боевым оружием. Тому солдату девушка написала, что бросает его, вот он и нажал на курок. Все письма от девушек у нас старались отслеживать, вскрывали, изучали и при необходимости не отдавали адресату, а это письмо, вероятно, пропустили. Думаю, на первом году службы необходимо более тщательно следить за моральным состоянием солдат и увеличить посещение штатных психологов.

Но и без помощи мы очень хорошо поддерживали друг друга, почти каждому приходили письма с сообщением, что девушки их бросают. Я знаю только одну историю, в которой девушка хранила верность все два года.

Всё во мне торжествовало, когда надрывал конверт в желании скорее прочитать строки, написанные рукой любимой девушки. Она писала о своей жизни без меня и о проблемах, казавшихся мне ерундой, но содержимое письма не так волновало, сколько слова в конце: я тебя жду. Но прошел первый месяц службы, начался второй, и я пополнил строй брошенных солдат. Конечно же, я страдал, хотя в армии этим заниматься совсем некогда, но довольно быстро забыл о ней. А кому-то, видимо, это сложно сделать. Такой случай был один за всё время службы.

Ну и конечно, многие из нас узнали дедовщину во всех ее проявлениях, хотя «дедов»⁸ в этой части практически не было. В моей роте точно не было. К концу службы пришел к выводу: в армии издеваются по большому счету очень слабые люди, получившие немного преимущества над другими.

Мне удалось сохранить достоинство, пройдя многие испытания. Тут, в армии, в мужском коллективе, всегда будут слабые, сильные, желающие быть выше всех, и те, кто готов подчиняться, как и в обычной жизни. С одной лишь разницей: здесь процесс определения себя в социуме проходит очень быстро и всегда прямо, через насилие, ведь некуда спрятаться, ты всегда в окружении людей.

Я ощущал себя на какой-то черте, очень сложно быть по-

---

⁸ После полутора лет службы черпака переводят в деды – дед всё знает, всё прошел и испытал, теперь он может просто отдыхать. Дед расшифровывается – Домой Едут Дембеля.

середине. Ты или с теми, кто сильный и жаждет власти над остальными, заставляя их подчиняться, или с теми, кто принимает условия сильных.

Мне хотелось занять третью, несуществующую, сторону. Но со временем я убедился, что ее действительно нет. Стать сильным – это почти всегда быть жестоким, возможно, унижать, бить, потому что легко могут сломать, если ты не обладаешь хорошей физической силой или душевным стержнем. А быть слабым – это просто выбор каждого. Можно сказать «нет», дать отпор, тебя избьют, может, еще раз, но рано или поздно признают в тебе силу. Но думаю, каждому свое, мне не хотелось быть слабым и чистить унитазы или мыть полы, но и унижать других я не хотел. Поэтому я так и не определился – с кем я и долго сопротивлялся всему этому.

Был, к примеру, случай... Офицер нас построил на выходе из столовой и повел куда-то. Мы шли так, как должны были идти, строем, нога в ногу. И вскоре он передал командование над нами одному из солдат. Этот солдат был довольно наглым, из «сильных». Офицер куда-то ушел, и власть перешла к нему, и этот новоявленный командир стал изгаляться. Его друзья вышли из строя, а он стал командовать остальными и мною в том числе. Он кричал какие-то глупые приказы, и мы его слушали и выполняли их, но он перегнул палку (удивительно, но сейчас я не могу вспомнить, что это было), и я не смог подчиниться. Что-то внутри меня заставило остановиться и не двигаться дальше. Этот солдат приказал мне

вернуться в строй и выполнять приказ. Он криком, угрозами хотел меня заставить слушаться его.

Внутри во мне уже кипела кровь, я не желал этого делать, это был предел, а точнее, меня поставили перед выбором – сломаюсь я или нет. Этот «командир» был наглым, авторитетным, но это далеко не значит, что сильным. Он накинулся на меня – хотел избить при всех. Но не учел, что рано или поздно перед ним мог оказаться человек, способный дать отпор. Через мгновение он уже лежал на земле, а я сидел на нем, занеся руку для решающего удара. Что меня остановило, я не помню, может жалость, я слез с него, поднялся и отошел. Один из его дружков кинулся на помощь – поднял его, и они вдвоем устремились ко мне. Счет шел на секунды. Понимая, что двоих одолеть сложнее, я приготовился – снял ремень с флягой, зажал его в правой руке. Первым я ударил того, с кем дрался, со всего размаха, флягой. Он упал. Я сбил с ног второго, сел на него, в долю секунды решив не допустить новой ошибки, нужно было его «добить», а не «прощать» как первого. «Или простить?» – мысль. Именно мысль о «простить» была тем мгновением, которое позволило несостоявшемуся командиру напасть на меня сзади и придушить. Им все-таки удалось избить меня, но благодаря моему поступку, его липовый авторитет был сломлен. Мой нос был разбит, болело всё и где-то еще. Но я дал отпор!

Рассказывая так подробно об этом, я хочу сказать будущим бойцам, что, если перед вами стоит человек и громко

кричит, это еще не значит, что он много может.

* * *

По итогу учебки по прошествии шести месяцев я сдал все необходимые нормативы, и мне присвоили звание младшего сержанта, теперь весь мой призыв ждал распределения. Был какой-то ажиотаж, а скорее, все мы жаждали выбраться из учебки, но боялся попасть в «плохую» часть. Я уже довольно хорошо разобрался, что такое армия, на своей шкуре всё прочувствовал. Очень не хотелось попасть в стройбат, по слухам, солдаты там всё время что-то строят, копают, и набирают туда в основном неугодных, проблемных.

Мне вспоминается, что все грезили частями, расположенными в южной стороне России, такими как Чеченская Республика, республика Дагестан. Попасть именно в эти республики считалось у нас везением, или только я хотел там служить, как тот мой друг, вернувшийся из армии.

Вечерами размышляя о дальнейшей судьбе, мы оценивали шансы. Я услышал, как кто-то сказал, что в опасные места не берут на службу солдат, которые росли в семьях без отцов и являлись старшими из братьев. Как раз мой случай, меня точно не возьмут, подумал я, но решил точнее разузнать об этом. Допытываясь у командира взвода, я выяснил, что это правда. Принудительно не отправляют, но, если написать заявление о желании там служить, то есть вероятность, что не

откажут.

Так я и поступил, а позже выяснилось, что не один я написал заявление. С каждым днем рота редела, свободных кроватей оставалось всё больше, а надежды – меньше. Я думал, что лучших всегда отбирают сразу, а остальным уж как повезет.

Как-то утром после завтрака командир роты назвал фамилии четверых, в том числе и мою, и поручил нас незнакомому лейтенанту. Тот приказал быстро собрать личные вещи и следовать за ним. Выйдя из казармы, прошли в последний раз через КПП (контрольно-пропускной пункт) учебки, и проследовали в направлении железнодорожной станции.

Была зима, и мы вшестером (нас сопровождал офицер) грелись на вокзале города Коврова, и, хотя деньги были, все, что нам удалось купить (больше ничего не продавалось), – это несколько батонов белого хлеба и пачку сливочного масла. Один из нас, разрезав батон вдоль, стал на половину накладывать масло, именно накладывать, приговаривая, что масло надо не мазать, а накладывать. Просто запомнилось!)))

В Дагестан

Зимой поездка до Москвы не показалась такой примечательной, как та, июньская, когда только ехал в армию. Ночью, сойдя с поезда, быстро пересели в другой и отправились в путь.

Я мало что знал о Дагестане, и признаться, вообще мало что знал о стране, в которой жил. Поселковое образование больше старалось отвлечь детей от улицы, от воровства, чем научить понимать Пушкина. Я всегда ходил в школу, как на каторгу. Сидя за партой, смотрел в окно, мысленно вырываясь за пределы школы. Учителя были не способны увлечь нас учебой. Скорее всего, из-за собственной неквалифицированности. Они вкладывали свои знания в некоторых учеников, являвшихся их же родственниками, тянули за уши, ставя пятерки. А я всегда числился двоечником без шанса стать умнее.

Улица, напротив, давала все: друзей, занятость, знания, заставляла познавать жизнь на своих собственных ошибках. Учила находить медные кабели, копаться с магнитом на свалке, складывая в сумку от противогАЗа мелкие никелевые чашки, захороненные бульдозерами.

Во время уборочной мы бегали по полю за комбайнами, крича: «Дядь, прокати!» Те с

удовольствием сажали нас в кабину, давали порулить и объясняли, как нужно убирать урожай. Работали в яблоневых садах, нежно складывали фрукты в ящики. Ранней весной собирали кленовый сок, делали ножом на стволе дерева язычки, подсовывали под них обломанную тонкую ветку и, обвязав за горлышко бутылки, веревкой привязывали их к дереву. А потом грелись у костра, иногда проверяя свои бутылки. Если сок переставал капать, искали новое дерево. А вечером, совершенно промокнув, возвращались домой с добычей.

И безошибочно определяли, коснувшись обратной стороной ладони оголенного провода, есть в нем напряжение или нет, сколько вольт – это зависело от силы жжения кожи. Зимой играли в хоккей на одном из замерзших озер. Сами из фанеры выпиливали клюшки, а на старые коньки пришивали войлок от валенок, делая их немного более устойчивыми, а у кого не было коньков, играли в хоккей в валенках, а в футбол в сапогах. Катались зимой с отвалов породы на алюминиевых листах, забыв о еде, проблемах и школе. На улице, не в школе, мы учились тому, что было необходимо для жизни в то время, и считали эти знания более значимыми, чем формулы. Тогда цветные металлы являлись самой твердой валютой, позволявшей купить еду, одежду, мотоцикл.

Лежа на верхней полке, смотрел на мелькавшие в окне деревни, города, озера, реки и леса. Мне не хотелось спать. Ва-

гон, заполненный людьми, вскоре порядком опустел, мир за окном перестал быть узнаваемым, тянулась степь.

Подъезжая к Дагестану, мы заметили, что в вагоне, кроме нас, остались только местные жители мужского пола. Почувствовав, наверное, что они на своей территории, окружили нас и предложили отдать им всё ценное. Мы, естественно, не собирались им ничего отдавать, но оказались в невыгодном положении: чужая республика, люди утверждающие, что это уже не Россия, и направленные в нашу сторону ножи, – вынудили опустошить карманы. Офицер, сопровождавший нас, не вмешался, позволяя им совершить задуманное. Риск быть избитым или порезанным не стоил дешевых часов и яркой зажигалки (а что еще могло быть у солдата).

* * *

Из Махачкалы отправились в Буйнакск⁹ в 396-ю бригаду. Проехав КПП, через 100 метров остановились у дома культуры, офицер приказал строиться около машины, а затем отвел в здание и указал на свободные места.

ДК был забит такими же солдатами в новой форме, приехавшими для прохождения дальнейшей службы, и теми, кто только призвался на службу в армию.

Все мы ожидали распределения по частям и ротам. Ждали

---

⁹ Город в Дагестане республиканского значения, расположен в 41 км от Махачкалы. Население в 2002 г. – 61 437 человек.

долго, нас не кормили. Офицер, сопровождавший нас, оказавшись в части, даже осмелел и на всякие наши неуместные вопросы или действия бил по лицу. Лучше бы он проявил решительность тогда, в поезде. Мой товарищ сказал: «Посмотрите, у него кулачок маленький, а бьет довольно больно». Под вечер мы стали замечать, что солдаты, выходявшие в туалет в новой форме, возвращались в старых бушлатах, а некоторые – в серых шинелях.

Мы понимали, что если пойдем в туалет, то рискуем, что и с нас снимут новенькие бушлаты, выданные в учебке, а нам не очень хотелось с ними расставаться. Терпеть было уже невозможно, поэтому попросили офицера проводить в туалет, надеясь на то, что всё обойдется. Вышли на улицу, под ногами хрустел снег. Пошли в темноту, невдалеке еле виднелся уличный туалет. Я тогда подумал, что специально ведут в это место. Как только мы подошли к нему, нас тут же окружило очень много солдат, которые вполне прилично предлагали поменять свой бушлат на «шикарную» серую шинель. Они уверяли, что как только распределение закончится и мы приедем в свою часть или останемся служить здесь, в бригаде, нам обязательно выдадут новые бушлаты. Понимая, что они врут, мы отказались меняться, но ситуация накалялась и могла перерасти в драку, в которой шансов у нас практически не было, ведь специально в туалет выводили очень маленькие группы. Тем более что нестерпимо сильно хотелось..., в общем, и мы не стали исключением,

пополнили ряды солдат в шинелях.

Мы провели еще какое-то время в ДК, а затем, уже поздно ночью, нас посадили в грузовик и повезли в другую часть, где нам и предстояло служить. Ехать было не очень далеко и, не успев особенно замерзнуть (шинели почти не согревали), мы прибыли на место. Завели нас в какую-то казарму, показали наши кровати, отбой. Так закончился мой первый день в новой, совершенно новой жизни.

Утром старшина – прапорщик Гасан – очень орал на нас за то, что мы про#бали свои новые бушлаты и, покопавшись в каптерке, выдал взамен шинелей старые, потертые бушлаты. Но через пару дней с каждого из нас, новичков, солдаты нашей роты сняли всю оставшуюся новую форму, дав взамен свою старую. Мы ничего не могли с этим поделать, нас было слишком мало в этом уже сформировавшемся коллективе. Необходимо было освоиться, обжиться, познакомиться, а не бросаться защищать свою форму. Это всего лишь одежда, куда важнее собственное здоровье. А то, что нас в роте все-таки раздели не являлось позором, этим нас не унизили, таковы были негласные правила: всё лучшее – старослужащим. Хотя – я узнал только потом – в этой части, а может, так было и во всей армии, новую форму выдавали очень редко, и «дедам» было бы не гоже ходить в старье, когда молодые солдаты в новой форме.

Несмотря на лишения – с меня сняли всё новое – эта часть и рота показались очень хорошими, нас вообще никто не

трогал, никакой дедовщины или чего-то подобного. Прошел один день, за ним другой, ходили в столовую, на плац и еще куда-то, страх ушел: нормальная часть, нормальная служба, так я стал это воспринимать.

Эта часть была расположена в черте города Буйнакск, и она отличалась от той, учебной в Коврове. Рота, в которую я попал, была обыкновенной мотострелковой ротой, в состав ее входили и снайперы, и пулеметчики, и автоматчики, а нас всех зачислили в четвертый взвод, взвод гранатометчиков АГС-17.

Плац, столовая – всё похоже, даже разведчики жили рядом в одной с нами казарме в отдельном кубрике. Но она отличалась кардинально от прежней части, тут всё было совершенно другим: правила жизни, законы быта. Казармы были одноэтажными, в столовой в основном работали по контракту местные жители, что меня сильно обрадовало, не хотел вновь чистить картошку. Полученное мною звание в учебке не давало тут никаких полномочий. Я был всё тем же непонятно кем, точнее, дослужился до «слона»¹⁰. Этот вид солдата не моет полы, скорее, это не главная его задача, «слон» достает все, что захочет «дед» в любое время дня и ночи, хоть сигареты днем, хоть картошку ночью. Да, я «вырос». В учебке приходилось убираться, а тут нужно было доставать. Подошла бы песня из советского фильма; «от века я не от-

---

¹⁰ Слон – солдат со сроком службы от полугода до года. Аббревиатура – Солдат, Любящий Офигенные Нагрузки.

стаю, всё время что-то достаю, и президентом легче стать, чем в армии конфет достать».

А вот к чему я никак не мог привыкнуть, так это к доносившимся песнопениям муэдзина из какой-нибудь башни, которых было очень много по всему городу.

Закончился и третий день... и началось! Как оказалось, это были три золотых дня. В этот период никто не трогает молодых, они свободно живут, привыкают, осматриваются.

К нам с самого утра четвертого дня стали относиться очень плохо, придумывали разные задания. Вечерами приходилось отжиматься, приседать, обнявшись друг с другом, и не дай бог пойдет волна (кто-то начнет подниматься раньше), начинали заново, поэтому и тянули на себе слабых, тех, кто больше не мог. Дембеля готовились к приказу (об увольнении) и иногда заказывали нам приготовить дембельскую кашу. В первый раз я представить не мог, что это за каша и из чего она состоит, и главное – где и как ее приготовить. Старшие товарищи с нашим появлением переставшие быть «слонами», подсказали, из чего она делается. Оказалось, каша состояла из набора сладостей: в сгущенке перемешивались печенье, пряники, шоколадные конфеты, в общем, всё то вкусное, что можно найти в чипке.

А однажды меня и одного товарища подозвал к себе дед и сказал, что нам необходимо к вечеру достать «золотую бляху». Так они называли бронзовые бляхи, которые, если натереть пастой ГОИ, блестели, как золотые.

Золотая бляха.

Обычная бляха.

Эти бляхи являлись большой редкостью во всей бригаде, их в основном носили деды, дембеля или другие значимые солдаты. То есть нам предстояло снять ее с солдата, который, вероятнее всего, не испугается нас, а напротив, может даже навалить. Что нам оставалось?

Вышли из казармы и пошли по всей территории части, вглядываясь в ремни проходящих солдат, выбирая кто послабее. Мы провели около часа на улице, но все попадавшие солдаты не имели нужной вещи. Время заканчивалось,

близилось вечернее построение, а за ним сон. А без бляхи время после команды «отбой!» могло оказаться для нас очень сложным, мы боялись вернуться в роту без добычи. Почти смирившись с неизбежностью, вдруг заметили одного уверенно шагавшего солдата. Он шел по освещенной дорожке, а затем, сменив курс, направился в сторону плаца, там мы и решили его встретить – в плохо освещенном углу.

Быстро всё рассчитали, бегом перебежали на противоположную сторону, а затем, как ни в чем не бывало, пошли навстречу этому солдату. Подходя ближе, мы распознали на его ремне «золотую бляху». Мы решили не упустить его, не испугаться в последний момент и, несмотря ни на что, снять ремень и исчезнуть в ночи.

Уверенно шагавший солдат не ожидал, что идущие навстречу так стремительно на него накинутся, он не успел даже крикнуть. Я зажал его руками, не давая возможности шевелиться, а товарищ резким рывком снял ремень и побежал. Я понял: бляха наша, и тоже пустился наутек. Этот пострадавший даже не попытался нас догнать, может, сам испугался. Довольные, в момент ставшие уверенными в себе, вернулись в казарму и передали деду заветную вещь. Но тут прозвучало неожиданное: дед приказал моему товарищу надеть ее на себя и носить.

Мы понимали, что не носить ему ее долго, старались передвигаться вместе, боялись попасться тому, с кого сняли. Да, товарищ и дня с ней не проходил, кто-то заметил и его

лишили «золотой бляхи».

Вскоре вся рота пошла на стрельбы на полигон, расположенный за городом. Тут я впервые по-настоящему узнал, что такое на самом деле автомат, мне удалось пострелять из него вволю. В этой части патроны не жалели, т. к. не было никаких нормативов и теорий. Практика и только практика: зарядил, выстрелил и научился стрелять и поражать цель. И когда впервые пытался подстроиться под АГС, как учили в учебке, ротный посмеялся и показал, как нужно правильно стрелять из этого оружия. Я был поражен, как легко и просто попасть в цель и при этом уложить каждый ВОГ в намеченное место. Мое отношение к этому гранатомету сильно изменилось, вот был бы он еще полегче.

Нам, тем, кто приехал из учебки, было очень весело после таких стрельб, это действительно приятно, испытываешь невероятное ощущение, выпуская патрон за патроном. Пошли в часть, сержант подошел к нам и сказал: «Вы слабые и не сможете постоять друг за друга!»

Мы ответили чуть не хором, что, конечно же, сможем.

На этом и закончили, но, когда пришли в казарму и почистили оружие после стрельб, этот сержант позвал нас в сушилку. Сушилка – это место, в котором очень жарко, оно без окон, с большим количеством батарей, создана для того, чтобы солдаты могли очень быстро высушить свою одежду.

Пришли, построились (это в армии какое-то обычное дело) зашел в сушилку этот сержант и сказал: «Готовьтесь!»

Нас было человек семь, все мы одного призыва, но еще очень плохо знали друг друга. Через пару минут зашел, наверное, самый сильный разведчик, проживающий с нами в одной казарме. Не говоря ни слова, он стал бить первого, потом второго, третьего, мы все стояли и боялись пошевелиться. Когда он дошел до четвертого и стал его избивать, я вступился, оттолкнул разведчика, не дал ему избивать четвертого. Разведчик накинулся на меня, тот малый вступился за меня и получил стулом по голове. Он нас бил, мы его толкали и оборонялись, вскоре всё это прекратилось, разведчик ушел к себе, а мы с товарищем пошли смывать кровь в туалет, к нам туда зашел сержант и сказал: «Вы, двое, будете нормально служить».

Этот случай, как многие другие, заставлял меня задуматься о себе: кто я? Как поступать, как вести себя? Всегда была какая-то грань, переступив которую, можно ошибиться, иногда лучше стерпеть, чем начинать драку, не имея за спиной надежных друзей. Это сложное принятие самого себя, даже часто было стыдно осознавать, почему не ответил, не дал сдачи. Такие ситуации в армии очень часто выявляли из массы солдат тех, которые разумно отвечали на провокации.

А если не толкать разведчика, а тоже бить? Мы бы имели все шансы с ним справиться. А что дальше? Естественно, за него заступились бы те, с кем он давно служит, избивали бы нас. Ну и чего бы мы достигли, показали, что сильные и смелые, нет, скорее всего, все ожесточились бы против нас и не

упускали случая унижить. На решительные действия нужно идти, когда есть надежда на победу, когда силы сколько-нибудь равны или когда ты готов пожертвовать собой ради собственных взглядов.

Полигон

Через некоторое время командование отправило мой взвод на полигон подготовить место для переезда всего батальона. Нашей задачей было поставить палатки на пустынном месте. Я, как и многие, ничего в этом не понимал – куда, что и в какой последовательности собирать. Разложив все части палатки на земле, нам всё же удалось поставить их. Одну за другой, много палаток, с дорожками, с пожарными щитами, – мы строили палаточный городок. Ночевали там же. Вначале мне даже нравилось: мало людей, никакой зарядки, плаца и остального солдатского быта. Мы просыпались, ели сухпай¹¹, сооружали палатки, строили дорожки, обедали, иногда отдыхали несколько дней, как на даче. Построили палаточный городок, и к нам на полигон переехали все, в том числе и остаток нашей роты.

Так мы прожили недели две, и только потом на перевале (об этом ниже) я понял, что строительство нами палаточного городка на полигоне было проверкой.

И мало что изменилось бы, но офицеры не очень хотели жить в таких условиях, они оставляли лишь дежурного, а все остальные уезжали по своим арендованным квартирам в городе или в общежитие в части. Это в части наряд по роте, де-

---

¹¹ Сухой паек.

журный по батальону и спящие по соседству офицеры обеспечивали «разумную дедовщину», а оставленные почти без командования, в поле, мы не имели никакой защиты, даже косвенной.

Именно в этот период службы я испытал на себе настоящую дедовщину или жестокость. Нет, не клиническую, а скорее, глупую, слепую. Хотя еще в учебке я отчетливо понимал: уставщина гораздо хуже дедовщины, но то, что с нами происходило сейчас, не имело разумного объяснения. Этих солдат, издевающихся над нами, я ненавидел. Однако то, что с нами делали, не озлобило меня, а, напротив, стало примером слабости и разрушения мужского достоинства тех, кто применял к нам насилие. Через несколько месяцев мы, сплотившись, с легкостью поставили этих любителей жестокости на место.

Устав в армии – это как закон в государстве, но мне часто он казался скучным, безынициативным, что ли, для солдат. На мой взгляд, устав тесно связан с приказом командира, а дедовщина подразумевает собой несогласие с законом. Устав уравнивает всех солдат, делает их похожими, заставляя беспрекословно выполнять любую задачу. Я бы разделил порядок в армии: в военное время определенно необходим устав, а в мирное позволил бы дедовщине немного легализоваться.

Возьмем для примера роту с офицерами, сержантами и солдатами. Все подчиняются приказам, которые не обсуждаются и должны быть выполнены сразу, а в случае невыполне-

ния подразумевается наказание, наряды вне очереди. А учитывая природу человека и мирное время, когда эти приказы, зачастую рутинные, незначимые, они расслабляют солдат, которые, не имея ответственности, разрушают силу роты. Однако дедовщина легко обеспечивает надежное выполнение поставленной задачи, влияя на исполнение ее другими методами, что в конечном счете формирует сильного, дисциплинированного солдата. Вся сложность дедовщины в том – кто и как ее порождает. Зачастую ни один офицер роты не имеет такого влияния на личный состав, как какой-нибудь сержант.

Я застал в нашей роте молодого офицера, назначенного командовать взводом, а я, уже пройдя путь, являлся дедом, и рота слушала мой приказ и стояла, несмотря на крики офицера, приказавшего идти. Солдаты должны уважать командира. А если этот офицер не то, что не вызывает уважение, а просто слишком молод, неопытен и даже не подходит на звание лидера, отличаясь от любого духа только звездами на погонах?

Сильный командир, сильные солдаты – непобедимая армия!

Но вернемся к палаточному городку и отмороженным солдатам с огромной властью над нами на тот момент. Как и прежде, нас, молодых, было мало, человек семь, не больше, мы всё еще не были сплочены. Помню, как завели меня в одну из палаток несколько старослужащих, я еще всех не знал,

стоим, они мне приказывают упасть и отжаться. Так как я их не знал (они были не из моего взвода) и командовать мной не могли, я отказался. Они приказали еще раз – и снова отказ. Я понимал, что они пытаются меня сломать, узнать кто я, из сильных или слабых. Потом один из них взял металлическую трубу (какая-то деталь от палатки) и ею стал бить меня по плечу, я стоял, терпел, он бил. Это был уже принцип или сила духа, но выполнять их приказ я был категорически не намерен. Меня били этой трубой долго и больно, до тех пор, пока я просто не упал, и в этот момент избиение окончилось. И до меня и после в этой палатке был каждый из нас.

Было у наших дедов и черепов еще одно развлечение: звучит команда «держи глаза!», ты должен наклониться вперед, вытянув шею для удобства, и ладошками прикрыть глаза, а дед в это время ребром руки бьет тебя по шее. Ощущения действительно, что глаза сейчас выпадут, и довольно больно, а кто-то и вовсе падал, теряя сознание. А вот изощренный способ пробить глаза – это когда дед встает повыше, в нашем случае на нары, и пробивает глаза уже ногой, дикая боль! Я всё время думал, что они придумывают, как бы так ударить, чтоб у человека и вправду глаза выпали.

Еще становился солдат, а дед разбежался и бил в грудь ногами в прыжке. Они очень веселились, если битый далеко отскакивал. Били и бутылки об голову, хоть и не ВДВ, и доски об ту же голову ломали, и т. д.

Вот здесь уже всё гораздо сложнее, чем в учебке, там бы-

ли «дети», а тут настоящие отморозки. Мне и всем из моего призыва было нереально справиться с ними. Мы общались друг с другом, но не были сильны, поскольку не было сплоченности – каждый сам за себя, выживали как могли. Пожаловаться, настучать, вариант, казалось бы, но мне не позволяло достоинство это сделать. А тому, кому позволило, мало чем помогло, спать-то всё равно вместе со всеми. Днем уставщина, ночью дедовщина! Оставалось только одно: выживать, что я и делал, терпел, выживал, боялся, но не сдавался. И надеялся, что когда-то это закончится. Эти избиения в конечном счете могли или сломать солдата, или, наоборот, укрепить его дух, меня они сделали человеком. Испытав всё на себе, став дедом, не допускал подобного отношения к «молодым».

А больше всего пугало, если тебе ставили задачу «родить сигарету», с фильтром. Родить – значит найти где угодно и принести. «Прима» есть у каждого, ее нам выдавали исправно, а вот найти сигарету с фильтром было практически нереально. Можно было бы стрельнуть у офицеров, но они, как правило, посылали далеко. Оставался только один способ – это покинуть палаточный городок и пойти к домам местного населения. В городе было проще, сигареты продавались в чипке. Купив пачку сигарет, можно было долго «выдавать» по одной. Риск велик, могли навалить местные, а в худшем случае можно угодить в карцер или даже дисбат, за самовольное оставление части.

Местное население, проживавшее в частных домах, недалеко от лагеря, относилось к солдатам настороженно, думаю, даже опасаясь, что неожиданные соседи их обворуют ночью. Но при огромном желании и воображении удавалось, обойдя несколько домов, найти-таки сигарету, хоть и по сильно завышенной цене. Немного денег почти каждому присылали родственники с письмами.

В очередное утро, после построения, меня и еще несколько человек отправили на полевой склад ГСМ (горюче-смазочные материалы), который располагался недалеко от лагеря, грузить топливо в бочках в машины. После обеда нас отпустили, мы закончили работу и направились к своей палатке, но, подойдя ближе, увидели, что все куда-то бегут. Стояло много припаркованных в ряд машин. Подошли, нашли своих, стоящих в шеренгу около ГАЗ-66.

Ротный называл номера оружия, из строя отзывался солдат, подходил и забирал свой автомат, гранатомет, винтовку, то оружие, которое к нему прикреплено. Вышло так, что не оказалось моего АГС, я не мог знать, где он, так как он был в оружейке, а сам я грузил топливо на складе и не о каком переезде даже не догадывался. Я попытался всё это объяснить, но ротный не услышал меня, сомневаюсь, что хотел слушать, просто дал по морде. Как оказалось позже, мое оружие погрузили в другую машину в суматохе, офицер другой роты заметил лишнее оружие и вернул его нам, но ротный даже не извинился (ха!).

В горы

И вновь, не успев освоиться в Буйнакске, мы едем куда-то. Собранный колонна из грузовых машин и МТ-ЛБ (многоцелевой тягач легкого бронирования) со стороны выглядела довольно грозно, как мне казалось. Я до армии видел колонны подобные нашей в фильмах о войне. Там солдаты с заряженным оружием вглядывались в даль, готовые в любой момент спрыгнуть с машин и занять оборону. Только в тех фильмах враги всегда подрывали первую и последнюю машины, а потом быстро атаковали. Я ехал в кузове последней машины, у заднего борта, и облегченно вздыхал, понимая, что едущая за нашей машиной бронированная техника, вероятнее всего, станет мишенью, а не мы. Но у находящегося в ней экипажа больше шансов остаться живыми, чем у нас, накрытых брезентовым тентом, способным защитить только от ветра и дождя. Проезжая пригород Буйнакска, я еще чувствовал себя в безопасности, но впереди показалась огромная дыра, проделанная в высокой горе.

Справка:

МТ-ЛБ (многоцелевой транспортер (тягач) легкий бронированный, «Объект 6») – советская боевая машина, многоцелевой плавающий бронетранспортер (БТР).

Многоцелевой транспортер создан для

транспортировки (перевозки) людей и грузов, также широко используется в роли артиллерийского тягача (в некоторых частях используется для перевозки личного состава мотострелковых подразделений, хотя и не предназначался для этой роли).

МТ-ЛБ имеет прозвища в войсках «мотолыга» («маталыга»), «мотолаба», «эмтээлбэшка».

В настоящее время этот тягач находится на вооружении нескольких десятков армий мира.

Приближаясь к ней, все мы прижали к себе свое оружие, почувствовав опасность, передернув затворы автоматов, приготовились. Дыра оказалась огромным вырубленным тоннелем, с плохим освещением и ответвлениями, среди нашей колонны в тоннеле проезжали и гражданские машины.

Справка:

Гимринский автодорожный тоннель – самый длинный автодорожный тоннель на территории России. Расположен в Дагестане; соединяет Буйнакск и село Гимры. Длина – 4303 м. Пропускная способность Гимринского тоннеля – 4 тысячи автомобилей в час. Ширина проезжей части – 7 м, высота габарита – 5 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.